

На правах рукописи

Кононов Валерий Юрьевич

**ЗЕРКАЛА И МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ МЕОТОВ И
САРМАТОВ КУБАНИ
(типология и хронология)**

5.6.3 – Археология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Казань – 2026

Работа выполнена на кафедре философии и культурологии ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»

Научный руководитель	Кольцов Петр Михайлович , доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
Официальные оппоненты	Боталов Сергей Геннадьевич , доктор исторических наук, главный научный сотрудник ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский институт), ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт истории и археологии УрО РАН»; Берлизов Николай Евгеньевич , кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии и музееведения ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры».
Ведущая организация	Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет».

Защита состоится «11» июня 2026 г. в 10:30 часов на заседании диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций 72.1.001.01 (Д 022.006.01) при государственном научном бюджетном учреждении «Академия наук Республики Татарстан» по адресу: 420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Баумана, д. 20.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Академии наук Республики Татарстан по адресу: 420111, г. Казань, ул. Баумана, 20. Электронная версия автореферата и диссертации размещена на официальном сайте Академии наук Республики Татарстан <https://www.antat.ru/> и на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ <https://vak.gisnauka.ru/>

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

И.о. ученого секретаря
диссертационного совета,
доктор исторических наук

А.М. Губайдуллин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Прикубанье, как историко-культурный регион, издревле являлось контактной зоной. В раннем железном веке политические, этнические и культурно-хозяйственные связи местного земледельческого населения, развивались в двух направлениях – с античными городами Боспора и кочевым миром степей Предкавказья. Более века продолжается изучение древней истории Кубани. Накоплен колоссальный материал, характеризующий меотскую и сарматскую культуры Кубани. Металлические украшения и зеркала едва ли не самые многочисленные находки, после бус и керамики, и являлись неотъемлемой частью костюма населения Прикубанья в раннем железном веке. Устойчивая взаимовстречаемость зеркал и металлических украшений наглядно фиксируется в погребальных комплексах начиная со второй половины V в. до н.э. и прослежена до начала периода Великого переселения народов, что позволяет их рассматривать совместно в данной работе.

На данный момент отсутствует простая и функциональная классификация и хронология этих предметов с территории Прикубанья, это приводит подчас к тому, что во многих работах современные авторы по-прежнему вынуждены использовать ограниченный круг источников. Для решения данного вопроса необходимо построить классификационную и хронологическую систему для тех категорий вещей, которые могут быть определены узкими рамками бытования в данном регионе и использованы в качестве датирующих форм.

Актуальность изучения меотских и сарматских древностей особенно возросла в связи с успешными работами в смежных с Прикубаньем регионах в области классификации и построения хронологических схем металлических украшений и зеркал¹.

Также, необходимо отметить, что в рамках данной работы, впервые для территории Кубани, применен комплексный подход к изучению зеркал и металлических украшений, включающий: систематизация накопленного материала, построение классификаций и хронологии, рассмотрение тенденций появления, смены и развития рассматриваемых форм предметов, и сопоставление этих изменений с этнополитической историей Кубани в период РЖВ.

---

¹ Петренко В.Г. Украшения Скифии VII – III веков до н.э. М., 1978; Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры (восточный вариант) // САИ. Вып. В 2–5. Москва. 1982; Кузнецова Т. М. Зеркала Скифии VI – III века до н.э. Т. I. И Т. II. Москва. 2002, 2010 и др.

Объектом исследования являются тенденции развития зеркал и металлических украшений меотов и сармат Кубани и их связь с этнополитической историей в рамках рассматриваемого региона в раннем железном веке.

Предметом исследования – металлические украшения и зеркала из меотских и сарматских памятников Кубани.

Цель исследования заключается в разработке классификации и хронологии зеркал и металлических украшений меотов и сарматов Кубани. В процессе достижения цели решаются следующие задачи:

- систематизации накопленного материала;
- построение классификационных схем для зеркал и металлических украшений, с учетом уже разработанных ранее для других регионов;
- уточнение хронологии рассматриваемых предметов;
- освещение вопросов происхождения, развития и причин смены одних типов зеркал и металлических украшений другими;
- определение «традиционных» наборов металлических украшений и их сочетание с зеркалами, для меотских и сарматских племен Кубани;
- установление связи этапов развития типов зеркал и металлических украшений с событиями этнополитической истории Кубани.

Хронологические рамки: Нижняя граница определена временем сложения протомеотской культуры – конец IX – начало VIII в. до н. э. Верхняя временная граница определена – конец II – начало III в. н.э., поскольку именно в этот период прекращает существование меотская культура и одновременно происходит отток сарматов из Прикубанья, причиной чего послужило появление готов, и появлением новой волны кочевого ираноязычного населения – носителей позднесарматской культуры, эта волна номадов представляла собой миграцию части кочевого населения Средней Азии. Данные хронологические рамки обусловлены, необходимостью проследить тенденции появления, распространения, а также развития и причин смены форм и типов зеркал, а также металлических украшений на протяжении всего периода РЖВ на территории Кубани, от формирования (появления) как местных, так и пришлых археологических культур до их угасания (смены) в III в.

Географические рамки охватывают археологические комплексы на территории занимаемой носителями меотской и сарматской АК, ограниченные на севере – р. Бейсуг; на востоке изгибом р. Кубань в районе г. Новокубанск и Армавир; на юге – предгорной зоной северных отрогов Кавказских гор по линии (с востока на запад) – пос. Мостовской (р. Лаба), пос. Колосовка (на р. Фарс), пос. Нововочепший (р. Псекупс); на юго-западе

– г. Абинск; на северо-западе – ст-ца Днепроовская и ст-ца Брюховецкая. Такие географические рамки определяются исходя из того, что по археологическим данным меоты занимали территорию по нижнему и среднему течению р. Кубань, от станицы Прочноокопской до устья, в большой дельте Кубани и до р. Кирпили на севере. В географические рамки исследования не вошли Таманский полуостров и прилегающие к нему районы к югу от Кубани, занятые синдами, которых как письменные источники, так и современные исследователи то включают в состав меотов, то противопоставляют им², а также потому, что эта этнокультурная область с VI в. до н. э. начинает испытывать сильное греческое влияние, а с конца IV – начала III в. до н.э. входит в состав Боспорского царства, что, несомненно, отразилось на материальной культуре населения³.

Также за рамками исследования остались и памятники горных районов Юго-Восточного Закубанья, поскольку они имеют спорную этническую атрибуцию и не могут быть, с большой долей уверенности, соотнесены с меотской археологической культурой⁴.

Сарматские памятники территориально распадаются на две группы. Одна занимает компактную территорию Среднего Прикубанья. Большая часть памятников расположена на правом берегу, вдоль среднего течения р. Кубань (курганы «Золотого кладбища», и в междуречье Лабы и Кубани (курганы «Зубовско-Воздвиженской группы»).

Другая группа сарматских памятников расположена к северу от р. Кубань. Исследованные курганы сосредоточены, в основном, в Центральном Кубанском массиве, ограниченном бассейном р. Челбас, Бей-суг, Кирпили на севере и Кубанью на юге. Часть памятников расположена в степном Кубанском стародельтовом районе, что соответствует географическому термину "степное правобережье Нижней Кубани".

Источниковую базу исследования являются уже опубликованные материалы по исследуемой проблеме, а также еще не изданные, материалы Краснодарской археологической экспедиции Кубанского государственного университета, коллекции и отчеты о раскопках, хранящиеся в фондах КГИАМЗ имени Е.Д. Фелицина.

Всего учтено 1024 комплекса из меотских и сарматских памятников Кубани, происходящих из 97 памятников археологии из них:

² Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII веке до н.э. – III век н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Москва. 1989. С. 224

³ Иванов А.В. Курганный некрополь V в. до н.э. у станицы Неберджаевской // Историко-археологический альманах. Вып. 16. Армавир, Краснодар, Москва. 2022.С. 68-69

⁴ Шевченко Н.Ф. Грунтовый могильник «Мезмай 1» // Древности Кубани. Вып. 24. Ростов-на-Дону. 2020. С. 61-63.

34 грунтовых могильника, 63 кургана и курганные группы, а также случайные находки из неустановленных памятников. В работе рассматривается 1601 предмет: 402 зеркала, 37 гривен, 447 браслетов, 339 серег и височных колец, 188 перстней и колец (изображения 1053 предметов приведены на иллюстрациях 1-89).

Методы исследования. Применялись традиционные методы археологического исследования (типологический, сравнительно-аналитический, статистический). Предлагаемые в работе классификационные схемы для зеркал и металлических украшений, служат следующей цели – распределение массового материала по группам (типам) для дальнейшего использования его в исторических построениях. Такая классификация является таксономической, представляя собой систематику археологических материалов, то есть, разделение их по признакам сходства и различия в исторически (генетически) связанные друг с другом группы. Это приводит к такому распределению, где каждому классу, каждому таксономическому уровню соответствовала интересующая нас дополнительная информация. Определив место в классификации артефакта, мы "автоматически" из классификации получаем о нем массу сведений, которые зачастую определить прямыми исследованиями слишком трудно или невозможно»⁵.

Личный вклад автора. Часть зеркал и украшений, рассматриваемых в диссертации, были изучены автором лично. Другая часть учтена по публикациям исследователей. Была проведена работа по уточнению датирующего контекста многих комплексов. Также были составлены таблицы взаимовстречаемости зеркал и украшений по хронологически выделенным периодам. На основе данных таблиц определены тенденции развития зеркал и украшений из меотских и сарматских памятников Кубани в контексте этнополитической истории периода РЖВ.

Новизна результатов диссертационного исследования заключается в том, что металлические украшения из меотских и сарматских памятников Кубани впервые подвергаются классификации, разрабатывается и уточняется их хронология, в результате чего они, в комплексе с другими категориями находок, могут использоваться в качестве хроноиндикаторов. Изучение вопросов происхождения и развития типов рассматриваемых предметов позволяет использовать их в качестве исторических источников для рассмотрения политической, социальной и этнической истории племен Кубани в раннем железном веке.

---

⁵ Колпаков Е.М. Теория археологической классификации. С-Пб. 1991. С. 82-83

В отношении зеркал, необходимо отметить следующее: данная категория материала широко изучалась исследователями, но привлекался материал либо отдельного периода времени (скифского или сарматского), либо определенные типы (например, зеркала-подвески, зеркала "ольвийского" типа и др.), т.е. в целом не охватывался период раннего железного века Кубани.

Таким образом, данная работа является, по сути, первым комплексным исследованием зеркал эпохи раннего железного века на территории Кубани.

Теоретическая и практическая значимость работы. Представлено первое обобщающее комплексное исследование зеркал и металлических украшений из меотских и сарматских памятников Кубани периода РЖВ. Собранный и систематизированный в работе материал может быть полезен для атрибуции музейных коллекций, для датирования вновь полученных археологических находок, для составления каталогов и баз данных. Система предлагаемых классификаций с применением указанной методики позволяет продолжить создание типологических схем для украшений предыдущей и последующей эпох. Полученные данные могут быть использованы при изучении торговли и, в некоторой степени, социально-политических отношений меотов и их соседей, а также при подготовке лекций и написания популярных статей.

Степень достоверности и апробация результатов исследования, изложенных в диссертационном исследовании, подтверждается большим количеством и качеством источников, полученных во время археологических раскопок меотских и сарматских памятников Кубани. Выводы подтверждаются также данными, содержащиеся в приложении: таблицами, схемами (графиками) и иллюстрациями; а также картой распространения украшений и зеркал на территории Кубани.

Для достижения цели использовались методы археологической датировки и хронологии, таксономической классификации, методы математической статистики.

Положения, выносимые на защиту:

1. В результате анализа зеркал и металлических украшений (в работе рассматриваются такие категории как: гривны, браслеты, серьги и височные кольца, а также перстни и кольца) предложена их типология и хронология. На основании составленной классификации и рассмотренной хронологии изучаемых предметов установлено 5 периодов (этапов) их бытования:

- первый период датирован VIII – середины VII в. до н.э.;
- второй период – третья четверть VII – середина V в. до н.э.;
- третий период – вторая половина V – IV в. до н.э.

- четвертый период – III–I вв. до н.э.;

- пятый период – I – нач. III в. н.э.

Каждый выделенный этап характеризуется изменениями в политической, социальной и этнической истории племен Кубани в раннем железном веке.

2. Классификация и хронология зеркал и металлических украшений доказала, что данные предметы могут использоваться как хроноиндикаторы, а также в качестве исторических источников для рассмотрения политической, социальной и этнической истории племен Кубани в раннем железном веке.

3. В ходе изучения зеркал и металлических украшений из меотских и сарматских памятников Кубани, было установлено, что данная категория вещей наглядно отражает своеобразие материальной и духовной культуры меотских и сарматских племен Кубани, динамику их развития и контакты с носителями соседних археологических культур, таких как «кобанская», «скифская», «греческая», «латенская» и др.

4. Зеркала и украшения, являющиеся неотъемлемой частью костюма, как было выявлено, из изучения источниковедческой базы, активно используются в реконструкции этнокультурной и политической истории не только племен Кубани раннежелезного века, но и сопредельных территорий – Кавказа, Поволжья, Северного Причерноморья, Южного Понта и Восточной Европы.

5. Различный набор украшений в сочетании с определенным типом зеркал, доказывает, как изменения в традиционном костюме, так и социальную стратификацию племен Северо-Западного Кавказа в раннем железном веке.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на 6 параграфов, заключения, библиографии и приложений (список учтенных комплексов, таблиц взаимовстречаемости зеркал и украшений, а также иллюстраций).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, сформулированы цели и основные задачи исследования, определены территориальные и хронологические рамки работы, охарактеризована источниковая база, указаны методологические основы и методы, использованные в исследовании. Здесь же показаны научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Глава 1. Зеркала – состоит из двух параграфов: В **параграфе 1.1** рассматривается история изучения и основные подходы к систематизации зеркал скифо-сарматского времени в отечественной науке начиная с работы А. А. Бобринского⁶ и до современных публикаций.

Параграф 1.2 посвящен классификации и хронологии зеркал из меотских и сарматских памятников Кубани. В первой части параграфа рассматриваются наиболее ранние экземпляры зеркал «скифского типа» (пять разновидностей), происходящие из меотских памятников или представленные случайными находками с территории Кубани (всего учтено 23 экз.). Их описание приводится по классификации, разработанной Т.М. Кузнецовой⁷. Нами лишь рассматривается хронология и региональные особенности бытования кубанских экземпляров, а также их деление на подварианты. Во второй части параграфа приводится разработанная автором классификация зеркал из меотских и сарматских памятников Кубани. Все классифицируемые зеркала (379 экземпляров) по конструкции можно разделить на два класса:

Класс 1 – зеркала с ручкой.

Класс 2 – зеркала без ручки.

В классе 1 выделяются два отдела по расположению ручки относительно диска.

Отдел 1 – зеркала с боковой ручкой.

Отдел 2 – зеркала с центральной ручкой.

Внутри отделов выделяются типы на основании морфологических особенностей диска (отсутствие или наличие бортика (валика, закраины) и их сочетания с формой ручки. Варианты выделяются на основании изменений диска (способ изготовления, диаметр, количество фестонов и т.д.) при условии сохранения общего типологического признака. В тех случаях, когда можно с уверенностью установить наличие орнамента на оборотной стороне диска выделяются подварианты.

Всего было выделено два класса меотских и сарматских зеркал, включающих в себя два отдела, состоящих из 11 типов, включающих в себя 19 вариантов и 28 подвариантов.

При описании выделенных типов, вариантов и подвариантов зеркал приводится датировка, а также освещаются вопросы их хронологии и происхождения.

На основании анализа составленных хронологических таблиц можно выделить два этапа в бытовании зеркал на территории Кубани.

⁶ Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб. 1901. С. 68–73

⁷ Кузнецова Т. М. 2002, 2010. Указ. соч.

Первый этап характеризуется использованием "скифских" и "греческих" форм зеркал местным населением.

Наиболее ранними, обнаруженными в меотских памятниках третьей четверти VII–VI вв. до н.э., являются односоставные "скифские" зеркала, имеющие центральную ручку-петельку. Эта форма типологически восходит к зеркалам восточных районов Евразии, что уже неоднократно отмечалось исследователями⁸. В скифских памятниках Северного Причерноморья эти зеркала в комплексах V в. до н.э. неизвестны⁹, однако в меотских памятниках они продолжают встречаться до середины V в. до н.э.

Появление в меотских памятниках "греческих" зеркал с боковой ручкой (класс II, отдел II, группа 1, вид I, тип III; тип II, вид I, вариант 2 по Т.М. Кузнецовой), связано с первыми контактами местного населения Северо-Западного Кавказа с греками, в результате которых данные зеркала оказались в памятниках скифов и меотов.

Второй этап – характеризуется массовым распространением зеркал, имеющих как меотские и греческие, так и сарматские корни. На этом этапе можно говорить о двух направлениях в развитии зеркал.

Первое направление связано с распространением и развитием зеркал имеющих боковую ручку (класс 1). Начиная со второй половины V в. до н.э. в меотских памятниках Кубани появляются плоские кованые зеркала с боковой деревянной или костяной ручкой, крепящейся к диску заклепками (класс 1, отдел 1, тип I, вариант 1), которые к IV в. до н.э. становятся довольно часто встречающимся типом зеркал (учтено 36 экземпляров).

В сарматских памятниках Кубани эти зеркала распространяются со второй половины IV в. до н.э., что совпадает с продвижением сираков в степи Правобережья Кубани¹⁰.

Известны они и в памятниках V – начала IV в. до н.э. савроматов-сарматов на территории Северного Причерноморья¹¹ и в скифских комплексах V–III вв. до н.э., где они представлены единичными находками¹². На фоне такой ситуации в Северном Причерноморье, в Прикубанье наблюдается "массовость" находок зеркал этого типа, что позволяет предположить их местное производство, на основе «греческих образцов».

С четвертой четверти III в. до н.э. зеркала с плоским диском и боковой ручкой, прикрепленной заклепками (вариант 1, тип I, отдел 1, класс 1),

⁸ Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968. С.84–85; Смирнов А.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. Москва, 1964. С.155; Кузнецова Т.М. 2002. Указ. Соч. С.42

⁹ Кузнецова Т.М. Зеркала из скифских памятников VII – III веков до н.э. // СА. № 1. 1987. С.43

¹⁰ Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар. 1996. С. 16

¹¹ Смирнов К.Ф. 1954. Указ. соч. Рис. 59, 1

¹² Кузнецова Т.М. 1987. Указ. соч. С. 42

сменяются зеркалами с подтреугольной ручкой, составляющей одно целое с диском (вариант 1, тип III, отдел 1, класс 1), которые широко распространяются как в меотских, так и в сарматских памятниках Кубани (учтено 53 экземпляра).

О меотском происхождении зеркал с подтреугольной ручкой, украшенных фестонами, не раз говорилось исследователями¹³. Однако, они могли появиться под влиянием сарматских зеркал со штыревидной ручкой и валиком по краю диска (вариант 1 А, тип IV, отдел 1, класс 1)¹⁴. Но этому мнению противоречит тот факт, что у части более ранних, происходящих из меотских памятников (например, комплексы № 510 и № 534) зеркал с приклепанной ручкой (вариант 1, тип I, отдел 1, класс 1) имеется небольшой подпрямоугольной формы выступ, на диске, в месте крепления ручки, который, по всей видимости, является предшественником ручек подтреугольной формы на зеркалах 1 варианта IV типа. Этот вывод подкрепляется также и хронологией сменяемости этих типов зеркал.

Дальнейшее развитие кованых зеркал с фестонами (вариант 1, тип III) четвертой четверти III – II в. до н.э. идет, по пути уменьшения диаметра диска и увеличения числа фестонов по бокам ручки, что становится характерной чертой зеркал в I в. до н.э., что отмечалось исследователями ранее¹⁵.

Необходимо также отметить, что путем переделки, после утраты ручки, зеркал с фестонами 1 варианта III типа в сарматских памятниках Кубани появились единичные экземпляры зеркал 2 варианта, I типа, 1 отдела, 1 класса, бытовавших в тех же хронологических рамках.

Второе направление связано с зеркалами без ручек (класс 2). Наиболее ранние из них, литые с высоким бортиком (вариант 1, тип I), датируемые IV – серединой III в. до н.э., встречены как в меотских, так и в сарматских памятниках. А со второй половины IV в. до н.э. в Прикубанье распространяются кованые зеркала с высоким бортиком (вариант 2, тип I), которые продолжают существовать и в III–II вв. до н.э. Что касается происхождения этого типа зеркал, аналогичные зеркала из скифских памятников Северного Причерноморья обнаруживают близость с одной стороны к подобным зеркалам Средиземноморья V–IV вв. до н.э., с другой – к савромато-сарматским зеркалам V–II вв. до н.э.¹⁶. Исходя из этого, можно

¹³ Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской // МИА. № 23. 1951. С. 190; Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. № 60. 1959. С. 434–436

¹⁴ Марченко И.И. 1996. Указ. соч. С. 19

¹⁵ Марченко И.И. 1996. Указ. соч. С. 19

¹⁶ Кузнецова Т.М. 2002. Указ. соч. С. 126, 137

лишь наметить характер распространения зеркал без ручек с высоким бортиком в Прикубанье.

Литые зеркала без ручки с бортиком (вариант 1, тип I) в меотских и сарматских памятниках встречаются довольно редко, что позволяет соотнести их с продукцией боспорских мастеров, попавшей в варварскую среду в качестве импорта.

Кованые зеркала (вариант 2, тип I), появившиеся в памятниках Кубани со второй половины IV в. до н.э., в отличие от литых встречаются почти в два раза чаще, что указывает на их местное меотское происхождение, в качестве подражания импортным – греческим, что подтверждается одновременностью появления этих вариантов у меотов и сарматов.

Как литые, так и кованые зеркала с бортиком, в редких случаях в среде сарматов подвергались переделке, путем отгибания и расковки бортика, в результате чего получалась специальная площадка для ручки¹⁷. Следствием этих изменений явилось появление в сарматских памятниках Прикубанья зеркал с высоким бортиком и боковой ручкой (тип II, отдел 1, класс 1).

Кованые зеркала без ручки с бортиком к концу II в. до н.э. имеют слабо загнутый бортик (край диска) и являются переходной формой к плоским зеркалам III типа класса 2, характерных для меотских и сарматских памятников I в. до н.э. – I в. н.э., что уже отмечалось исследователями ранее¹⁸.

Особое место занимают зеркала, встреченные только в сарматских памятниках Кубани – класс 1, отдел 1, типы IV, V, VI и отдел 2, тип I; класс 2, тип II. Их распространение в сарматских памятниках Кубани связано с перемещением в степях юга России племен кочевников, носителей сарматской археологической культуры в конце III – первой половине II в. до н.э.

К середине – концу I в. н.э. в меотских и сарматских памятниках Кубани, как и в большей части Евразийских степей, происходит некая унификация зеркал, приведшая к широкому распространению зеркал–подвесок с боковой ручкой (на территории Кубани учтено 120 экземпляров), ставших ко II в. н.э. господствующей формой, и бытовавших вплоть до начала III в. н.э. когда с новой волной населения пришли зеркала с центральной петлей.

Глава 2 посвящена металлическим украшениям из меотских и сарматских памятников Кубани. В данной главе учтено более 800 различных

¹⁷ Марченко И.И. 1996. Указ. соч. С. 16

¹⁸ Скрипкин А.С. Два погребения раннего железного века из Прикубанья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. Москва. 1984. С. 223

украшений, составляющих четыре группы: гривны, браслеты, серьги и височные кольца, перстни и кольца.

В параграфе 2.1 рассматриваются гривны – шейное украшение в виде металлического обруча было широко распространено в древности у народов Европы и Азии с периода бронзового века и до средневековья. Оно было известно народам, жившим на территории Кубани в раннем железном веке, где, как и в других регионах, означало особое положение носившего его лица.

В данной работе учтено 37 гривен, происходящих из меотских и сарматских памятников Кубани. Гривны находились в мужских, женских и даже детских погребениях. Формы и материал (золото, серебро, бронза) диктовались имущественным и социальным положением умершего.

В первой части параграфа приводится история изучения гривен в отечественной науке, рассматриваются существующие подходы к вопросам их классификации.

Во второй части приводится разработанная автором классификация и хронология гривен. Необходимо отметить, что до настоящего времени гривны из меотских и сарматских памятников Кубани специально никем не исследовались. Имеется лишь упоминание в публикациях материалов из раскопок о находках различных типов гривен рассматриваемого времени с некоторыми аналогиями для датировок¹⁹.

Большинство рассматриваемых гривен (29 экземпляров) имеют форму гладкого или витого прута, за исключением одной пластинчатой и семь гривен, изготовленных из полых трубочек. Исходя из этого, весьма целесообразно разделить гривны по технике изготовления на три отдела: стержневые, трубчатые и пластинчатые. В качестве типобразующего признака, с учетом уже устоявшейся схемы, принимается оформление концов. В качестве вариативных признаков принимаются отличия в моделировке поверхности и орнаментация концов.

Всего при построении классификации гривен было выделено 3 отдела, 13 типов, 9 вариантов и 2 подварианта. При описании выделенных типов, вариантов и подвариантов приводится датировка, а также освещаются вопросы их хронологии и происхождения.

Все гривны изучаемого периода из меотских и сарматских памятников Кубани распадаются на две хронологические группы. Первая хронологическая группа представлена гривнами, происходящими исключительно из меотских памятников. Их появление как знака власти и

---

¹⁹ Сазонов А.А. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // ВВА. 1992; Гущина И.И., Засецкая И.П. К вопросу о хронологии и происхождении "Золотого кладбища" в Прикубанье // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов. 1992 и др.

высокого социального положения в IV в. до н.э. можно связать с налаживанием широких экономических контактов, прежде всего хлеботорговле, выразившихся, в обогащении местной знати. Об этом также свидетельствует тот факт, что гривны встречены не только в богатых погребениях воинов-всадников, где они, вероятно, являлись символом власти, но также в женских, и даже в детских погребениях, где они, скорее всего, указывают на высокий социальный (имущественный статус погребенных).

Гривны этого периода представлены в основном простыми формами, в виде гладкого золотого или бронзового прута (отдел I, тип I) или с расплюснутыми концами, имитирующими змеиные головки (отдел 1, тип III, вариант 4).

Исчезновение гривен из погребальных памятников меотов III–I вв. до н.э. связано с уничтожением меотской знати в результате изменения этнополитической ситуации в Прикубанье во второй половине – конце IV в. до н.э. Отсутствие гривен в сарматских памятниках IV – конца III в. до н.э. вполне объясняется отсутствием социальной дифференциации, что характерно для кочевников периода распада первобытнообщинного строя и сложением раннеклассовых отношений²⁰.

Вторая хронологическая группа представлена различными типами гривен, происходящими как из сарматских, так и из меотских памятников Кубани. Причем наиболее ранние экземпляры происходят из богатых сарматских погребений II в. до н.э. – первой половины I в. н.э., с территории Правобережья Нижней Кубани и "зубовско-воздвиженской" группы в междуречье Лабы и Кубани. Основная же масса золотых, серебряных и бронзовых гривен происходит из курганов "Золотого кладбища" и соседствующих с ним меотских грунтовых могильников второй половины I – начала III в. н.э. и отражает формирование в меото-сарматской среде групп, с высоким социальным статусом (воины-дружинники и "жрицы"). Аналогичная ситуация наблюдается и в сарматских памятниках Нижнего Поволжья и Подонья²¹.

Параграф 2.2 посвящен браслетам – этот вид украшения был достаточно широко распространен у меотов и сарматов Кубани в раннем железном веке. Браслеты носили мужчины женщины и дети. Большинство браслетов изготовлялось из бронзы, реже – из железа, золотые и серебряные браслеты найдены лишь в богатых погребениях знати. Браслеты носились

²⁰ Марченко И.И. 1996. Указ. соч. С. 118–119

²¹ Мордвинцева В. И. «Варварские» Элиты Нижнего Поволжья и Подонья в III в. до н.э. – сер. III в. н.э. Опыт выявления уровней социальной иерархии // Археологическое наследие. № 1.2020. С. 262-271

как на правой, так и на левой руке, реже на обеих руках. Нередко они в погребениях располагались в стороне от умершего, что можно связать с ритуалом помещения в могилу украшений в качестве жертвы (посмертного дара) близкими и родственниками.

Браслеты из меотских и сарматских памятников Кубани до сих пор никем специально не изучались, большинство исследователей выделяло, как правило, только несколько типов браслетов, которые были встречены в изучаемом ими памятнике. Исключением являются – исследование В.Р. Эрлиха²², в котором он обобщил и типологизировал браслеты из протомеотских памятников Кубани, а также работа Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, описавших браслеты из меотских памятников VI-V вв. до н.э. правобережья Кубани²³. Однако рассмотренные ими браслеты, являются лишь малой частью того многообразия форм браслетов, которые использовались населением Кубани в раннем железном веке.

В первой части параграфа приводится история изучения браслетов в отечественной науке, рассматриваются существующие подходы к вопросам их классификации.

Во второй части приводится разработанная автором классификация и хронология браслетов. Все браслеты (447 экземпляров) можно разделить на три отдела: стержневые, трубчатые и пластинчатые (рис. 14–16). Первый отдел включает браслеты, согнутые из отрезка стержня, кованого, волоченого или отлитого в форме; круглого, овального или треугольного в сечении. По количеству витков исследуемые предметы делятся на группы: группа I – одновитковые, группа II – многовитковые (включает в себя браслеты в полтора и более оборота). Второй отдел – браслеты, изготовленные из тонкой пластины, сделанной путемковки или литья. Третий отдел – браслеты, свернутые из трубки. В качестве основных типовых признаков принимаются форма концов браслета и моделировка поверхности (оформление корпуса – наличие расширений, рубчиков и т.д.). Варианты выделяются на основании изменений в оформлении концов или корпуса при условии сохранения типобразующего признака. В тех случаях, когда внутри варианта браслеты различаются по наличию или отсутствию орнамента, на основе этого признака выделяются подварианты.

Всего при построении классификации браслетов было выделено 3 отдела, 4 группы, 31 тип, 19 вариантов и 12 подвариантов. При описании

²² Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. Москва. 2007. С. 157–158

²³ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меотские древности VI-V вв. до н.э. Краснодар. 2012. С. 67-68

выделенных типов, вариантов и подвариантов приводится датировка, а также освещаются вопросы их хронологии и происхождения.

Наиболее ранние экземпляры, появляются в VIII в. до н.э. в результате контактов меотов с племенами носителями западного варианта кобанской культуры. Этот факт объясняется тем, что изготовлены из оловянистой бронзы (которая не характерна для закубанских памятников), что безусловно указывает на их кавказское происхождение и исключает их степное происхождение²⁴.

В VIII в. до н.э. в меотских памятниках распространяются формы браслетов, имеющие, зачастую, прямые аналогии как в западнокобанских²⁵ и в скифских памятниках Северного Причерноморья²⁶. Что объясняется постоянными контактами меотов и скифов, а в Закубанье, и возможным сосуществованием (Галанина Л.К., Махортых С.В. и др.).

В IV в. до н.э. наряду с местными формами браслетов, широко распространяются экземпляры, изготовленные греческими мастерами. В качестве подражания этим формам, местные бронзолитейщики начинают изготавливать "упрощенные" копии импортных браслетов.

С начала III в. до н.э. в развитии многообразия форм браслетов, характерного для предыдущего времени, появляется пробел, который, по всей вероятности, связан с ухудшением греко-меотских контактов, и установлением господства в степях Прикубанья кочевников сираков, что привело к изменениям в материальной культуре населения Прикубанья.

Со II в. до н.э. начинается новый этап в развитии этой группы украшений. В меотской и сарматской среде распространяются новые типы браслетов, в общей массе которых выделяются браслеты, изготовленные из золота. Как правило, они были найдены в богатых погребениях сарматской знати, и, по всей видимости, были изготовлены греческими мастерами. Их появление в сарматских памятниках можно связать не только с торговыми отношениями или попаданием браслетов в качестве трофеев, но и с дарами, которые сарматской знати преподносили правители Боспора, в рамках существовавшей традиции²⁷.

В целом же формы браслетов I в. до н.э. – начала III в. н.э. зачастую имеют аналогии в памятниках Северного Причерноморья, оказывавшего влияние на местные формы украшений. Появление одних типов и замена их

---

²⁴ Эрлих В.Р. 2007. Указ. соч. С. 158

²⁵ Козенкова В.И. 1998. Указ. соч. С. 52–57

²⁶ Петренко В.Г. 1978. Указ. соч. С. 49–58

²⁷ Ждановский А.М. К истории сиракского союза племен // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону. 1990. С. 43; Марченко И.И. 1996. Указ. соч. С. 127

на другие в меото-сарматской среде связано, по всей видимости, со сменой моды на тот или иной тип браслетов в "сарматском мире".

В параграфе 2.3 рассматриваются серьги и височные кольца, которые были массовыми украшениями (учтено 339 экземпляров), используемыми как женщинами, так и мужчинами на протяжении всего раннего железного века Кубани, и располагаются, как правило, у ушных или у височных костей черепа, чаще же в описании погребения говорится, что они найдены "по обеим сторонам" или "слева, справа от черепа" без детализации их расположения. Форма и окончание дужки также зачастую не могут служить доказательством того или иного способа ношения²⁸.

В первой части параграфа приводится история изучения серег и височных колец в отечественной науке, рассматриваются существующие подходы к вопросам их классификации.

Во второй части приводится разработанная автором классификация и хронология серег и височных колец, разработанная с учетом уже существующих типологий для соседних регионов, в основу которой были положены следующие признаки:

- по способу изготовления серьги и височные кольца делятся на четыре отдела: проволочные, пластинчатые, трубчатые и сложносоставные;
- в качестве основного типового признака приняты морфологические особенности украшения (моделировка поверхности и форма концов);
- в качестве вариативных – мелкие изменения в моделировке поверхности, при сохранении основного типового признака.

Всего для серег и височных колец было выделено 20 типов, 21 вариант и 10 подвариантов. При описании выделенных типов, вариантов и подвариантов приводится датировка, а также освещаются вопросы их хронологии и происхождения.

Самые ранние экземпляры этих украшений попали в протомеотскую среду в результате контактов с соседними племенами: с одной стороны – носителями западного варианта кобанской (отдел 1, тип I, вариант 1; отдел 2, тип II); с другой – кочевниками черногогоровской культуры (отдел 1, тип II); а также с населением Западной Европы (отдел 2, тип I – типа «Шаренград»).

Заимствованная у соседей простейшая форма височных колец (отдел 1, тип I, вариант 1) существует в меотской среде до конца V в. до н.э., а в IV в. до н.э. их сменяют импортные греческие формы (отдел 1, тип III) и местные подражания им (отдел 1, тип I, вариант 2). Широкое распространение "лировидных" височных колец и височных колец с фигурными окончаниями

²⁸ Петренко В.Г. 1978. Указ. соч. С. 21

в IV в. до н.э. весьма неслучайно, поскольку, как уже отмечалось целым рядом исследователей, именно на это время приходится пик греко-меотских экономических контактов, прежде всего хлеботорговли.

Со второй половины IV в. до н.э. появляются гладкие и витые серьги с вертикально обрубленными концами (отдел 1, тип IV) и существуют, не изменяясь до конца II в. до н.э. как в меотских, так и в сарматских памятниках.

С конца II в. до н.э. и до начала III в. н.э. в памятниках Кубани распространяются одинаковые для меотов и сарматов формы серег, из которых часть (отдел 1, тип V) продолжает линию развития ранее существовавших. Другая часть (отдел 4, типы II) является привнесенной "сарматской" формой серег, встреченных только в погребениях кочевников. Также необходимо отметить и наличие в меотских и сарматских памятниках импортных серег (отдел 4, типы II и III).

Таким образом, из вышесказанного следует, что серьги и височные кольца появились в меотской среде в VIII в. до н.э. под влиянием соседних племен и к первым векам нашей эры стали одной из наиболее распространенных категорий украшений, включавшей в себя как собственно меотские формы, так и заимствованные у сарматов и греков. В целом для первых веков нашей эры характерно следование определенной моде, о чем свидетельствует распространение одних и тех же типов серег и височных колец на обширной территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа.

Параграф 2.4 посвящен перстням и кольцам, как показало изучение этого материала, данная категория вещей использовалась преимущественно женщинами и мужчинами, а в детских погребениях представлена единичными находками.

Обычно перстни и кольца находят надетыми на правую или левую руку погребенных, иногда они встречаются одновременно на обеих руках. Количество перстней в захоронениях различно и колеблется от одного до нескольких, но наиболее характерно ношение одного. Однако не всегда перстни находят на руках погребенного. Отмечены отдельные случаи, когда они положены рядом с умершим (около головы, в ногах, около руки и т.д.). Обычай класть предметы украшения рядом с погребенным, возможно, связан с традицией положения личных украшений в виде дара умершему.

В первой части параграфа приводится история изучения перстней и колец в отечественной науке, рассматриваются существующие подходы к вопросам их классификации.

Во второй части приводится разработанная автором классификация и хронология перстней и колец, разработанная с учетом уже существующих типологий для соседних регионов. Весь рассматриваемый материал (188 перстней и колец) по технике изготовления может быть сгруппирован по трем отделам: проволочные, пластинчатые и литые. Внутри отделов выделяются типы по форме щитка и дужки. За вариативные признаки приняты мелкие различия в деталях оформления, а также наличие и отсутствие орнамента на щитке.

Всего для перстней и колец было выделено 14 типов, 13 вариантов и 4 подварианта. При описании выделенных типов, вариантов и подвариантов приводится датировка, а также освещаются вопросы их хронологии и происхождения.

До середины V в. до н.э. в меотских памятниках данная категория украшений не зафиксирована. Наиболее ранние экземпляры (отдел 3, типы I и III) относятся к середине V в. до н.э. и являются импортом. Их появление можно связать с широким вовлечением местного населения в торговые отношения с греческими городами-колониями. К этому времени относятся и подражания античным образцам, изготовленные местными мастерами (отдел I, тип VI).

В III в. до н.э. количество перстней и колец резко сокращается. А начиная со II в. до н.э. они исчезают из меотских памятников Кубани, такое положение, по-видимому, связано с изменением моды в «сарматской среде» и сокращением хлебной торговли меотов с Боспором.

В I в. н.э. происходит всплеск в распространении перстней и колец в меотских памятниках, что можно увязать со сложением более спокойной обстановки в степях юга России, восстановлением и укреплением торговых связей, установлением господства аланского союза племен, и изменениями в моде. Именно на этот период, приходится наибольшее разнообразие типов перстней и колец, имеющих прямые многочисленные аналогии в памятниках Крыма и Северного Причерноморья.

В заключении необходимо отметить, что данная категория украшений, судя по количеству, была более характерной для носителей меотской археологической культуры, чем для сарматов, поскольку в оставленных ими памятниках перстни и кольца встречены единицами.

Глава 3 посвящена тенденциям развития зеркал и украшений в контексте этнополитической истории Кубани раннежелезного века. В соответствии с типологическими и хронологическими схемами

прослеживается эволюция форм зеркал и металлических украшений, в которой можно выделить пять периодов.

Выделяемые на основе археологического материала периоды отличаются не только сменой форм зеркал и украшений, но и конкретным историческим содержанием. На основании этого, наиболее целесообразным является рассмотрение общего изменения изучаемых категорий вещей во всем охватываемом промежутке времени и в свете этнополитической истории племен Кубани, так как это позволило выявить причины смены моды и замены одних типов вещей на другие, а также определить характерные для периодов наборы украшений и их сочетание с зеркалами.

Первый период начинается с VIII в до н.э. и заканчивается в середине VII в. до н.э. Для этого периода в меотской среде на такие формы украшений, как браслеты и височные кольца, значительное влияние оказали кобанские, и в меньшей степени западноевропейские и степные древности. Характерных наборов украшений для периода VIII – середины VII в. до н.э. не выявлено, что объясняется их незначительным количеством.

Второй период – третья четверть VII – середина V в. до н.э., его особенности во многом обусловлены тем влиянием, которое на племена Северо-Западного Кавказа оказали сначала скифы, а затем греческие колонисты. Основываясь на материалах из меотских могильников, можно определить некоторые инновации в бытовании зеркал и украшений. Для периода третья четверть VII – первая половина V в. до н.э. характерных наборов украшений, как и для предыдущего, не выявлено, что по-прежнему объясняется их незначительным количеством, а также, вероятно тем, что именно на этом этапе происходит формирование меотской археологической культуры, а, следовательно, и выработки (подборки) собственных форм украшений, как неотъемлемой части костюма.

Третий период – вторая половина V – IV в. до н.э. характеризуется налаживанием тесных греко-меотских экономических контактов, выразившихся с одной стороны в резком обогащении меотской знати, с другой стороны – в резком увеличении греческого импорта в меотских памятниках, в том числе и в широком распространении "греческих" форм украшений. Разнообразие форм и количество украшений в погребениях меотов второй половины V – IV в. до н.э. объясняется тем, что именно в это время произошло резкое увеличение объемов греко-варварской торговли, построенной на обмене, и как результат этого – обогащение меотской знати, сосредоточившей в своих руках торговлю с греками. Украшения этого периода (на это время приходится наибольшее количество и разнообразие

форм) наглядно подтверждают социальную стратификацию меотского общества, носившую имущественный характер.

Погребальные памятники сираков IV в. – начала III в. до н.э. дают очень мало материалов для изучения состава наборов украшений и зеркал, что обусловлено: во-первых, малым количеством погребений; во-вторых, сарматские племена, входившие в сиракский союз, находились на данном этапе на более низкой ступени социального развития, чем меоты, и, хотя в их среде выделялась племенная верхушка, но ее власть была обусловлена родовыми традициями, а не имущественным господством, и, следовательно, их погребения по богатству инвентаря (единичные экземпляры украшений) не отличались от погребений рядовых общинников²⁹.

Четвертый период охватывает промежуток III–I вв. до н.э. и характеризуется постепенным изживанием в меотской среде форм украшений, характерных для предыдущих периодов, исчезновением импортных "греческих" украшений и установлением сарматского влияния в Прикубанье. Резкое сокращение или полное исчезновение из меотских памятников "греческих" форм украшений (височные кольца, перстни, браслеты с концами, оформленными в виде змеиных головок) связано с сокращением импорта, вызванного уменьшением масштабов хлебной торговли меотов с Боспором, испытывавшим в середине III в. до н.э. экономические затруднения, которые он мог решить за счет присоединении меотских земель, что, привело к ухудшению боспоро-меотских связей с одной стороны, а с другой – положило начало формированию военно-политического сирако-меотского союза³⁰, о чем свидетельствует постоянное участие сираков в распрях правителей Боспора³¹.

Сложившийся союз стал грозной военно-политической силой на Северо-Западном Кавказе, Исчезновение дорогих украшений (золотые гривны и браслеты) из сарматских памятников Нижней Кубани и появление их в погребениях "зубовско-воздвиженской" группы второй половины I в. до н.э. – первой половины I в. н.э., связан, по мнению ряда исследователей, с перемещением сираков из Нижнего Прикубанья в междуречье Лабы и Кубани, в результате поражения Фарнака и строительством оборонительной линии на Таманском полуострове³². Таким образом, судя по распространению некоторых форм украшений (характерных для определенных групп населения) на отдельных территориях, можно найти

²⁹ Марченко И.И. 1996. Указ. соч. С. 119

³⁰ Марченко И.И. 1996. Указ. соч. С. 119

³¹ Ждановский А.М. 1990. Указ. соч. С. 41

³² Ждановский А.М., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребальный обряд сарматов Закубанья // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. 1988. С.113

подтверждение перемещений этих групп, связанных с изменением этнополитической ситуации в рассматриваемом регионе.

Наряду с украшениями, некоторые формы зеркал также могут отражать миграционные процессы. Так, например, в последней четверти III – II в. до н.э. происходит новый приток населения в Прикубанские степи, связанный с активизацией племен прохоровской культуры. Перемещение сарматских племен незамедлительно отразилось и на наборе зеркал и украшений в среде кубанских сарматов – широко распространяются литые зеркала с боковой ручкой-штырем (класс 1, отдел 1, типы IV), а также появляются серьги в виде колечек с припаянными в нижней части шариками, один конец заострен, другой – раскован и свернут в трубочку (отдел 1, тип V). Причем, необходимо особо отметить тот факт, что в этот период (III–I вв. до н.э.) в меотских памятниках встречаются только местные формы зеркал, а новые "сарматские" – отсутствуют; в тоже время, сарматы Прикубанья широко используют как свои, так и меотские формы зеркал.

В целом же данный период, по мнению ряда исследователей, характеризуется постепенной межэтнической консолидацией меотов и сираков, обусловленной необходимостью отражения боспорской экспансии, в результате чего в Прикубанье складывается военно-политический сирако-меотский союз племен, в котором ведущая роль остается за сираками (Виноградов В.Б.; Ждановский А.М., Марченко И.И.), что наглядно подтверждается и теми изменениями, которые произошли в наборах и формах украшений, и перераспределении их в среде меотских и сарматских племен Кубани.

Пятый период – I–нач. III в. н.э. характеризуется складыванием общих для меотов и сарматов типов зеркал и украшений. Данный промежуток времени связан с поражением сирако-меотского союза в митридатских войнах в первой половине I в. до н.э., а затем с установлением господства в степях Северного Причерноморья аорского и аланского племенных союзов, вызвавших в первых веках н.э. стабилизацию политической обстановки в степях юга России. Итогом стабилизации стала некоторая унификация форм зеркал и украшений на обширной территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа.

Для этого этапа характерно завершение формирования как в меотской, так и в сарматской среде профессиональных воинов-всадников. Данный факт нашел свое отражение в появлении курганов "Золотого кладбища", и прослойки катафрактариев в меотском обществе. Их погребения, в отличие от погребений рядовых общинников, выделяются богатством инвентаря. Большинство умерших были похоронены с дорогими украшениями –

гривнами, браслетами, перстнями. В курганах "Золотого кладбища" эти различия прослеживаются наиболее четко, что указывает на принадлежность к определенной социальной прослойке, выходцев из знатных родов, составляющих военную аристократию, которая, как сообщают античные авторы³³, вербовались из представителей верхушки общества. Однако этот факт нельзя понимать буквально, так как катафрактарии насчитывали значительное количество воинов, и все они не могли состоять исключительно из аристократии. Вероятно, состав войска был неоднороден. Оно могло состоять не только из сарматской аристократии, но и из дружинников, завербованных в меотской среде. Данный факт подтверждается существованием на меотских грунтовых могильниках (у хут. Городского, городища Спорное и др.) первых веков нашей эры, погребений воинов-всадников.

Отличительной категорией украшений этой социальной группы становятся гривны, которые, как особое украшение, наглядно указывают на принадлежность к данной прослойке общества. Причем для катафрактариев, чьи погребения обнаружены на грунтовых могильниках, характерны более простые формы гривен, зачастую, изготовленные из серебра или бронзы, что, скорее всего, говорит о более низком положении этой части всадников в военно-политическом объединении.

В Заключение подводятся основные итоги исследования и формулируются основные выводы:

1. Предложенная в данной работе классификация зеркал и металлических украшений впервые для территории Прикубанья в период РЖВ позволила систематизировать накопленный в ходе многолетних раскопок вещевой материал.

2. Разработанные на основе предложенной типологии хронологические схемы для рассмотренных категорий предметов впервые позволили проследить их появление, развитие и смену в динамике на всем промежутке от VIII в до н.э. по начала III в. н.э.

3. Предложенные в данной работе типология и хронология впервые позволили наглядно увидеть привлекаемые категории погребального инвентаря в процессе развития, выявить какие из них более древние по происхождению и какие возникли позднее, а также определить заимствования у носителей других археологических культур, что в конечном

---

³³ Тацит, I, 79; Юстин, XII, 2, 3; XXII, 5, 83

итоге, помогает представить динамику материальной и духовной культуры племен Кубани в рассматриваемом промежутке времени.

4. Типологическая и хронологическая классификация зеркал и металлических украшений, проведенные в рамках данной работы, существенно дополнили представления о характере культуры меотских и сарматских племен Кубани, подтвердили их особенность и своеобразие. Типологический анализ изучаемых вещей позволил более четко представить себе те черты, которые чаще всего визуальнo подчеркивают оригинальность культуры.

5. Данные по типологии и хронологии зеркал и металлических украшений, дополнили и подтвердили выводы предыдущих исследователей о периодизации, а также об этнополитической и социальной истории Прикубанья в период РЖВ, полученные в результате изучения главным образом погребальных сооружений и погребального обряда.

6. Особо следует отметить, что результаты комплексного анализа типологии и хронологии зеркал и металлических украшений населения Прикубанья, впервые позволили установить, что в большинстве случаев они являются предметом заимствования в результате определенной моды на использование предмета или проникновения в качестве новшества (передовой технологии – как в случае с ранними типами зеркал), и лишь в небольшой степени (на раннем этапе смены кочевого населения) этническим маркером.

7. Типологические различия в формах и наборах зеркал и украшений на раннем этапе проникновения групп кочевников сарматского круга наглядно показывают дистанцирование основных черт своеобразия традиционного костюма от оседлого населения (меоты). Далее наборы и формы (как и костюм в целом) претерпевают взаимное изменение и унификацию (трансформацию в общую, довольно схожую форму) в результате длительного совместного сосуществования, указывая на межэтнический синтез, результаты которого определяли этнополитическую историю не только Кубани, но и Северного Причерноморья и Кавказа в целом.

7. Изучение зеркал и украшений, составляющих неотъемлемую часть костюма, является необходимым звеном в реконструкции этнокультурной и политической истории племен Кубани раннежелезного века. Впервые проведенное в рамках данной работы выявление хронологических периодов с характерными наборами зеркал и украшений оказывается возможным только при рассмотрении их в развитии и постоянном сравнении их между собой. Благодаря такому подходу зеркала и украшения становятся не просто предметами обихода или погребального обряда, но и, в некоторой степени

при их картографировании, служат этническими маркерами, позволяющими отслеживать перемещение по региону новых групп (племен) номадов на стадии начального этапа их проникновения.

8. Основные тенденции бытования зеркал и украшений меотов и сарматов близки к тем, которые наблюдаются в раннем железном веке не только Прикубанья, но и в соседних регионах. Так, с момента складывания меотской культуры в Закубанье где-то на рубеже IX–VIII вв. до н.э. и до момента гибели меотских городищ и прекращения функционирования сарматских курганных кладбищ в начале III в. н.э. состав и формы украшений изменялись в процессе взаимодействия соседних синхронных культур и их носителей.

Впервые зафиксированные в рамках нашей работы изменения в наборах украшений и их сочетаний с зеркалами отражают не только моду на ту или иную форму изделий, но и указывают на изменения в традиционном костюме и социальную стратификацию общества как оседлых земледельцев, так и кочевников.

В заключении следует отметить, что такие категории археологических материалов, как зеркала и металлические украшения, являются важным источником в изучении истории племен Северо-Западного Кавказа в раннем железном веке, а также делают эти предметы, на основе предложенных нами классификационных и хронологических схем, в дальнейшем использовании важным источником для атрибуции коллекций и датировки комплексов, как известных ранее, так и открытых вновь.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Работы, опубликованные в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Минобрнауки России:

1. Кононов В.Ю. 2006а. Типология и хронология гривен из меотских и сарматских памятников Кубани // Человек. Сообщество. Управление. Краснодар, 2006. Приложение 6. С. 34-39.

2. Кононов В.Ю. 2023. Металлические гривны сармато-меотского населения Кубани эллинистического и римского периода (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. 2023. С. 19-32.

3. Кононов В.Ю. 2023а. Серьги и височные кольца из меотских и сарматских памятников Кубани // Вестник Калмыцкого университета. Элиста. 2023. № 3(59). С. 32-43.

Список публикаций в других научных изданиях:

1. Кононов В.Ю. 2001. Зеркала-подвески с боковой ручкой в погребальном обряде // Восьмые чтения по археологии Средней Кубани. Армавир, 2001, С. 17-19.
2. Кононов В.Ю. 2001а. Зеркала-подвески из курганов Средней Кубани // Восьмые чтения по археологии Средней Кубани. Армавир, 2001, С. 19-20.
3. Кононов В.Ю. 2001б. Зеркала-подвески в погребальном обряде // Историческое регионоведение вузу и школе. Славянск-на-Кубани, 2001, С. 5-6.
4. Кононов В.Ю. 2002. Зеркала-подвески с зооморфным орнаментом// Девятые чтения по археологии Средней Кубани. Армавир, 2002, С. 11-12.
5. Кононов В.Ю. 2003. Орнаментированные зеркала-подвески с боковой ручкой как исторический источник // Археология, этнография и краеведение Кубани. Армавир – Краснодар, 2003, С. 12-13.
6. Кононов В.Ю. 2004. Зеркала и металлические украшения в погребальном обряде меотов // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2004. Вып. 4. С. 212-220.
7. Кононов В.Ю. 2005. Скифские зеркала с центральной петлей из меотских грунтовых могильников // Археология, этнография и краеведение Кубани. Армавир – Краснодар, 2005, С. 27-29.
8. Кононов В.Ю. 2005а. К вопросу о классификации перстней с витым проволочным щитком // Археология, этнография и краеведение Кубани. Армавир – Краснодар, 2005, С. 29-30.
9. Кононов В.Ю. 2006. Типология и хронология перстней и колец из меотских и сарматских памятников Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2006. Вып. 6. С. 124-133.
10. Кононов В.Ю. 2009. Тенденции развития зеркал и металлических украшений в контексте этнополитической истории Кубани раннежелезного века // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2009, С. 177-181.
11. Кононов В.Ю. 2013. К вопросу о типологии зеркал-подвесок с боковой ручкой // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. – Краснодар: Экоинвест, 2013. – 498 с. С. 190-193
12. Иванов А.В., Кононов В.Ю. 2014. Зеркала и металлические украшения из меотских комплексов второй половины IV в. до н.э. кургана №2 курганного могильника «Фурожан-3» // IV Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. — Краснодар. 2014. С. 92-96.
13. Кононов В.Ю. 2017. Орнаментированные зеркала-подвески с боковой ручкой (хронология, мода и влияния) // XVIII Боспорские чтения.

Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения: материалы международной научной конференции / Ред.- сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. – Симферополь; Керчь, 2017. С. 259-265.

14. Кононов В.Ю. 2022. Тенденции развития зеркал и металлических украшений в контексте этнополитической истории Кубани римского периода // VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ, 2022. Том 49, № 1 С. 57- 63.